

ПОЗНАВАЯ КРАСНЫЙ СВЕТ

«Красные огни» Седрика Кана в прокате

АНТОН ДОЛИН

Новый фильм молодого, но довольно успешного режиссера Седрика Кана «Красные огни», представлявший Францию в конкурсе последнего Берлинале, — хорошее предисловие к грядущему в декабре фестивалю французского кино. Вроде пустячок — а не без приятности.

Услышав название «Красные огни», представляешь себе что-то inferнальное или приключенчески-морское, а то и лесное — эдакую «охоту на волков». Правильный же перевод названия Feux Rouges вполне однозначен — это красный свет светофора. Ни в какие авантюры супруги, ненавидящие друг друга тихой привычной ненавистью, ввязываться не собирались: им бы забрать детей из деревни и привезти в родной Париж. Но рабочая неделя на исходе, вокруг столицы — немислимые пробки, и ненависть к красным огням, затрудняющим и без того непростой трафик, приводит к страстному желанию как-то нарушить правила дорожного движения: и чтобы дорогу срезать, и нервничающему партнеру насолить, заставив нервничать еще больше. Метод мужа — алкоголь, который он воровато поглощает стопка за стопкой в каждом встречном баре; метод жены — холодная презрительная ирония, приводящая, однако, к эмоциональному всплеску, в результате которого супруга исчезает в ночном тумане провинциального вокзала, решив добираться до пункта назначения на поезде и в одиночку. Тут-то и начинаются настоящие приключения, ради которых зрители наблюдают битый час за безрадостными супружескими перебранками. Случай Седрика Кана показателен: годами этот режиссер весьма средних способностей пытается вырваться за рамки филлистерского французского кино — все тщет-

но. Во вполне эротической «Скуке» по мотивам Альберто Моравиа заключенная в заглавии провокация обернулась пророчеством: кино оказалось заунывным (даже решение российских прокатчиков сменить название на «Желание» не помогло). В «Роберто Зукко» мифический герой Бернара-Мари Кольтеса вдруг оказался заунывным маньяком-ловеласом. В «Красных огнях» Седрик Кан несколько опомнился и даже снизошел до самоиронии: ему это пошло на пользу. Ведь фильм — именно о беспочвенном желании французов шагнуть за грань, заглянуть за край. Герои — типичные представители нации: лощеная и ухоженная красавица средних лет (кто как не Кароль Буке) и подкаблучник, усталый и необаятельный (Жан-Пьер Даруссен, хрестоматийный актер на вторые роли, здесь, впрочем, удачно выступивший в главной, — потому что по сути она все равно второстепенная). И оба подсознательно ждут, когда же за опостылевшей политкорректностью откроется прекрасный ужас небытия. Ну что ж, как заказывали: он приоткрывается ненадолго — чтобы разрешиться умиротворяющей финальной идиллией. Чувство, которое доводилось испытывать многим: на темной пустынной улице кто-то к тебе подошел, да как схватит за плечо, и сразу душа в пятки, а он рассмеялся и оказался старым знакомым. Такой анекдот исключительно приятно рассказать за вечерним чаем в кругу семьи.

В раже внезапного энтузиазма критики окрестили Седрика Кана последователем Хичкока и даже французским Дэвидом Линчем. По правде говоря, в галльской вотчине подобных линчей и хичкоков так много, что пора начинать их отстреливать. Однако здорывая самокритичность буржуа, любящего хороший триллер, ощущается в этой экранизации не менее качественного и не менее буржуазного автора — Жоржа Сименона. Кану не изобрести собственных правил, но приятно осознавать, что, поднатужившись, он сможет хотя бы нарушить чужие. Пусть даже это всего лишь скромные правила дорожного движения.

Дует Кароль Буке и Жан-Пьера Даруссена — одно из главных достоинств «Красных огней»